

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.179-193

В. Д. Никишин*,
Е. И. Галяшина**

Юридикo-лингвистический подход к исследованию поликодовых текстов криминогенной коммуникации в цифровой среде в целях обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности¹

Аннотация. Для противодействия распространению агрессогенных поликодовых текстов в интернет-среде требуется юридикo-лингвистический подход: правовая регламентация противодействия «речевым» правонарушениям должна базироваться на комплексном исследовании с использованием специальных знаний из области судебного речеведения, интегрирующего положения лингвистики, социальной психологии, психолингвистики, когнитивистики и других наук речеведческого цикла. Авторами рассмотрены (с точки зрения материального права и судебного речеведения) основные речевые действия, составляющие угрозу мировоззренческой безопасности коммуникации в цифровой среде и реализуемые посредством порождения поликодовых текстов. В статье доказано, что понятие «мультимодальный текст» неравнозначно понятию «поликодовый (креолизованный) текст», т.к. в основе выделения данных языковых сущностей лежат разные критерии: сенсорная модальность и коммуникационный канал. Предложенные авторами классификации коммуникационных каналов, видов отношений между вербальным и иконическим компонентами поликодовых текстов и другие тезисы статьи являются отправными точками для дальнейшего юридикo-линг-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00190.

© Никишин В. Д., Галяшина Е. И., 2020

* *Никишин Владимир Дмитриевич*, кандидат юридических наук, директор Центра академического развития и образовательных инноваций, преподаватель кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
nikishin.v.d@mail.ru

** *Галяшина Елена Игоревна*, доктор юридических наук, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), академик Российской академии естественных наук (РАЕН)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993
eigaljashina@msal.ru

вистического исследования криминогенной интернет-коммуникации, угрожающей информационной (мировоззренческой) безопасности, в аспекте судебной лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: информационная безопасность; мировоззренческая безопасность; интернет-коммуникация; цифровая среда; криминогенная агрессия; судебное речеведение; судебная лингвистика; лингвистическая экспертиза; судебная экспертиза; интернет-среда; криминогенная коммуникация.

Для цитирования: Никишин В. Д., Галяшина Е. И. Юридиколо-лингвистический подход к исследованию поликодовых текстов криминогенной коммуникации в цифровой среде в целях обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 6. — С. 179—193. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.179-193.

Legal Linguistic Approach to the Study of Criminogenic Communication Polycode Texts in the Digital Environment in order to Ensure Information (Worldview) Security²

Vladimir D. Nikishin, Cand. Sci. (Law), Director of the Center for Academic Development and Educational Innovations, Lecturer, Department of Forensic Expertise, Kutafin Moscow State Law University
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
nikishin.vd@mail.ru

Elena I. Galyashina, Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Philology), Professor, Professor of the Department of Forensic Expertise, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Member of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
eigalashina@msal.ru

Abstract. In order to counteract the spread of aggressive polycode texts in the Internet environment, a legal linguistic approach is required: the legal regulation of counteracting “speech” offenses should be based on a comprehensive study using special knowledge from the field of judicial speech, integrating the provisions of linguistics, social psychology, psycholinguistics, cognitive science and other sciences speech cycle. The authors examine (from the point of view of substantive law and judicial speech) the main speech actions that constitute a threat to the worldview security of communication in a digital environment and are implemented through the generation of polycode texts. The paper proves that the concept of a “multimodal text” is not equivalent to the concept of a “multicode (creolized) text”, because the selection of data from linguistic entities is based on different criteria: sensory modality and communication channel. The classification of communication channels proposed by the authors, the types of relations between the verbal and iconic components of multicode texts, and other abstracts of the paper are the starting points for further legal and linguistic research of criminogenic Internet communication that threatens information (worldview) security in the aspect of judicial linguistic examination.

Keywords: information security; worldview security; Internet communication digital environment; criminogenic aggression; judicial speech; judicial linguistics; linguistic expertise; forensic examination; Internet environment criminogenic communication.

Cite as: Nikishin VD, Galyashina EI. Yuridiko-lingvisticheskiy podkhod k issledovaniyu polikodovykh tekstov kriminogennoy kommunikatsii v tsifrovoy srede v tselyakh obespecheniya informatsionnoy (mirovozzrencheskoy) bezopasnosti [Legal Linguistic Approach to the Study of Criminogenic Communication Polycode Texts in the Digital Environment in order to Ensure Information (Worldview) Security]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(6):179-193. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.115.6.179-193. (In Russ., abstract in Eng.).

² The reported study was funded by RFBR according to the research project No. 20-011-00190.

Введение

Современная онлайн-коммуникация как социальный процесс межличностного взаимодействия характеризуется медиальностью, символичностью, интерактивностью, гипертекстуальностью, мультимодальностью и мультисемиотичностью, т.е. охватывает практически все доступные человеческому восприятию семиотические коды.

Цифровая среда (прежде всего интернет-коммуникация) — благоприятная среда для реализации криминогенной речевой агрессии и массированного, вирусоподобного распространения радикально-пропагандистской, диффамационной, дискредитационной, фейковой и иной деструктивной информации.

Такие информационные атаки в цифровой среде (в блогосфере, социальных сетях, интернет-СМИ, мессенджерах, СМС-сервисах и т.д.) предполагают совершение вербальных (речевых) действий и реализацию речевых стратегий, которые включают в себя не только собственно вербальный (словесный) компонент, но и невербальные (несегментные) компоненты: иконический (изобразительный) компонент в статике (мемы, демотиваторы, фотографии, схемы, графики и т.п.) и динамике (анимации, видео и т.п.), акустический невербальный компонент (мелодии, звуки природы и пр.) и др.

Такая гетерогенность речевых следов правонарушений, посягающих на информационную (мировоззренческую) безопасность и совершаемых посредством вербальной коммуникации в цифровой среде, требует обратить особое внимание на феномены поликодовости и мультимодальности в криминогенной интернет-коммуникации, разграничение которых важно для адекватной лингвистической и правовой квалификации продуктов речевой деятельности, основывающейся на установлении их содержательно-смысловой направленности.

Смысловое содержание неомогенного (гетерогенного) продукта речевой деятельности, с одной стороны, не равно семантике вербальной составляющей, а с другой стороны, не сводится к сумме означаемых вербального и невербальных компонентов следа компьютерно-опосредованной коммуникации; оно связано с возникновением целостного полисемиотического образа, порожденного взаимодействием семантики вербального и невербальных компонентов.

1. Криминогенные речевые действия в цифровой коммуникации

Для обозначения криминогенных речевых действий, которые образуют объективную сторону преступлений (правонарушений), в литературе используется термин «речевое правонарушение» — «представляющее собой юридический факт виновное противоправное речевое деяние (действие или бездействие) людей, достигших установленного законом возраста и обладающих относительной свободой воли (т.е. действие, возникшее в результате целенаправленной речемыслительной деятельности и выраженное вовне), причинившее вред другим субъектам права»³.

Соответственно, например, *экстремистские речевые действия*⁴ (*экстремистские речевые правонарушения*) — это представляющие собой юридические факты виновные противоправные действия, возникшие в результате целенаправленной речемыслительной деятельности и выраженные вовне в продуктах речевой деятельности, содержащих криминогенную агрессию, направленную на обоснование или оправдание социального насилия, призывы к нему, а также унижение человеческого достоинства лица (группы лиц) в связи с его (их) социальной идентичностью.

³ Макашова В. В. Речевое действие как правонарушение : монография. М., 2014. С. 197.

⁴ См. также: Никишин В. Д. Криминогенная речевая агрессия в аспекте судебной экспертизы материалов экстремистско-террористической направленности // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2019. № 3. С. 110.

Правовая квалификация речевых действий, совершенных в сети Интернет, требует привлечения комплекса специальных юридико-лингвистических знаний для исследования речевых следов криминогенной интернет-коммуникации в трех аспектах:

- 1) с точки зрения правовых категорий, в которые они вовлечены как *corpus delicti*;
- 2) с точки зрения знаковой природы (как результат языковой и коммуникативной деятельности);
- 3) как источник криминалистически значимой информации (обладающий диагностическими или идентификационно значимыми свойствами, сопряженными с противоправным деянием)⁵.

Третий аспект, предполагающий установление лингвистических фактов, имеющих юридическое значение, диктует специфические задачи, которые решаются путем комплексирования специальных межотраслевых правовых знаний со специальными лингвистическими в рамках формирования речеведческих компетенций.

Например, с точки зрения судебного речеведения в словесном (вербальном) экстремизме можно выделить следующие экстремистские речевые действия:

- побуждение к осуществлению экстремистской деятельности;
- обоснование необходимости осуществления экстремистской деятельности;

— оправдание необходимости осуществления экстремистской деятельности;

— унижение человеческого достоинства лица (группы лиц) в связи с его (их) идентичностью:

- а) «гиперидентичность»; б) «образ врага»;

— оскорбление чувств верующих⁶.

В то же время массивное распространение информации путем комбинирования первых трех перечисленных экстремистских речевых действий образует речевую стратегию «пропаганда экстремизма (включая терроризм)».

Стоит отметить, что в современном судебном речеведении теория конфликтогенных и криминогенных речевых действий (актов) наиболее глубоко разработана применительно именно к диффамационным и экстремистским речевым действиям (Е. И. Галяшина⁷, В. В. Макашова⁸, О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова, Т. Н. Секераж⁹, Т. М. Изотова, В. О. Кузнецов, А. М. Плотникова¹⁰, В. Д. Никишин¹¹ и др.).

Под диффамационными речевыми действиями в судебном речеведении понимаются не только речевые действия, образующие объективную сторону гражданско-правового деликта, предусмотренного ст. 152 ГК РФ (распространение не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство, деловую репутацию граждан и деловую репутацию юридических лиц), но и речевые действия, составляющие объективную сторону оскорбления как административного правонарушения (ст. 5.61 КоАП РФ), а

⁵ Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Судебная лингвистическая экспертиза материалов экстремистско-террористической направленности: квалификация и компетенции судебного эксперта-речевода // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89). С. 134.

⁶ Никишин В. Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика : монография / под ред. Е. И. Галяшиной. М. : Проспект, 2019. С. 69.

⁷ Галяшина Е. И. Судебное речеведение : учебник. М. : Норма : Инфра-М, 2020. С. 99—123.

⁸ Макашова В. В. Речевое действие как правонарушение : монография. М. : РИЦ МГГУ имени М. А. Шолохова, 2014. 227 с.

⁹ Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М. : РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. 326 с.

¹⁰ Изотова Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 92—98.

¹¹ Никишин В. Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика : монография / под ред. Е. И. Галяшиной. Москва : Проспект, 2019. 240 с.

также объективную сторону ряда преступлений: клевета (ст. 128.1 УК РФ); клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава (ст. 298.1 УК РФ); неуважение к суду (ст. 297 УК РФ); распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично (ч. 3 ст. 354.1 УК РФ); оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ); оскорбление военнослужащего (ст. 336 УК РФ).

Экстремистские речевые действия, совершаемые в цифровой среде, могут образовывать составы как административных правонарушений, так и преступлений: публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280.1 УК РФ); действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (ч. 1 ст. 148 УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 20.3.1 КоАП РФ, ст. 282 УК РФ); пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (ст. 20.3 КоАП РФ); склонение, вербовка или иное вовлечение лица в террористическую деятельность (ст. 205.1 УК РФ); склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества, экстремистской организации (ст. 282.1, 282.2 УК РФ) и др.

Классификация речевых действий в рамках судебного речеведения необходима для разра-

ботки методического обеспечения конкретных видов судебной лингвистической экспертизы: например, экспертизы экстремистско-террористического дискурса, экспертизы диффамационного дискурса, экспертизы порнографического дискурса, экспертизы рекламного дискурса, экспертизы наркотического дискурса и пр. Особо отметим, что указанная классификация основывается на криминалистической сущности соответствующих речевых действий исходя из их коммуникативной природы, в связи с чем возможны различные юридико-лингвистические подходы к трактовке правонарушений, совершаемых посредством речевых актов.

Например, клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава (ст. 298.1 УК РФ) охватывается включенным в понятие экстремистской деятельности публичным заведомо ложным обвинением лица, замещающего государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением¹²; однако в рамках судебного речеведения данные речевые действия рассматриваются как частный случай клеветы и исследуются в рамках подходов, релевантных судебной лингвистической экспертизе диффамационного, а не экстремистско-террористического дискурса.

Другой пример: оскорбление чувств верующих — публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих (ст. 148 УК РФ), — напротив, в судебном речеведении рассматривается не как частный случай оскорбления как акта диффамации, а как экстремистское речевое действие, поскольку криминалистический диагностический комплекс признаков, составляющий образец-эталон речевого следа «оскорбление чувств верующих», сопоставим с образцами-эталонами экстремистских речевых действий «гиперидентичность — унижение человеческого достоинства

¹² Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

лица (группы лиц) в связи с его религиозной идентичностью» и «образ врага — унижение человеческого достоинства лица (группы лиц) в связи с его религиозной идентичностью».

Привлечение специальных юридико-лингвистических знаний зачастую требуется также при расследовании дел, связанных с реализацией речевого акта угрозы: угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ), угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ст. 296 УК РФ).

Сохраняется востребованность юридико-лингвистического подхода в обеспечении противодействия популяризации суицидального поведения (в том числе так называемым группам смерти): склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ); организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ); а также противодействия пропаганде наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ (ст. 6.13 КоАП РФ).

Тем не менее не разработана критериология использования специальных юридико-лингвистических знаний для противодействия таким информационным угрозам мировоззренческой безопасности в цифровой среде, как: пропаганда культуры андеграунда, культа насилия и жестокости (в том числе тюремной культуры); кибертроллинг; кибербуллинг; кибергруминг; секстинг; фейкинг; трансформация аккаунтов и сообществ, пропагандирующих суицидальные идеи, в группы, связанные с изучением механизмов кодирования информации, движения, популяризирующие идеи сатанизма и др., а так-

же сообщества, напрямую связанные с культом жестокости и насилия (публикации шок-контента и др.) и пр.

Рассмотренные речевые действия реализуются в цифровой среде, как было отмечено во введении, не в гомогенной (сугубо вербальной) форме, а в форме гетерогенного речевого продукта, к которому «прирастает» в качестве неотъемлемой части информация, закодированная несегментными (невербальными) кодами: фотоизображения, видео, мелодии, схемы, анимация, гиперссылки и т.д. Объективное исследование таких гетерогенных продуктов криминогенной интернет-коммуникации в целях установления фактов, имеющих значение для установления содержательно-смысловой направленности полисемиотичных речевых продуктов, должно основываться на учете феноменов поликодовости и мультимодальности криминогенной коммуникации в цифровой среде.

2. Мультимодальность криминогенной цифровой коммуникации

В процессе восприятия, обработки и хранения информации, транслируемой через телекоммуникационные сети, вербальная деятельность во многом следует законам перцепции¹³ (в первую очередь — зрительной). При этом характер перцепции — избирательный: коммуниканты сознательно направляют внимание на одни признаки или объекты больше, чем на другие. Внимание рассматривается в аспекте существования параллельно действующих систем обработки информации и с точки зрения вовлеченности в аттенциональные сдвиги механизмов как усиления (фокусирования), так и подавления (затемнения)¹⁴.

При изучении мультимодальности интернет-дискурса фокусировать внимание только на вербальной составляющей и игнорировать иные модусы означает упускать многое из по-

¹³ Перцепция — восприятие, непосредственное отражение действительности органами чувств.

¹⁴ Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке : Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М. : Языки славян. культуры, 2014. С. 18.

тенциальных смыслов современных медийных текстов¹⁵.

Как показало наше исследование текстов, выступающих в качестве объектов судебной лингвистической экспертизы по разным категориям дел, информационные сообщения в интернет-медиа, целенаправленно распространяемые для воздействия на мировоззрение пользователей Интернета, в своем абсолютном большинстве имеют мультимодальный (вербально-паравербальный) характер. Они репрезентируются в виде нелинейно организованных поликодовых текстов, где письменный вербальный компонент сопровождается невербальным в виде изображений, звукового или видеоряда, которые участвуют в передаче смысла и отражают перлокутивный эффект сообщения. По нашему мнению, криминогенные речевые действия, совершаемые в интернет-среде, являются объектом комплексного юридикo-лингвистического исследования, где лингвистическое исследование (в том числе в целях последующей правовой квалификации речевого действия как правонарушения или преступления) направлено на установление семантики криминогенного речевого продукта (речевого следа) через его мультимодальную перцепцию.

Юридикo-лингвистическое исследование мультимодальной перцепции поликодовых текстов криминогенной интернет-коммуникации требует привлечения в качестве научного базиса не только собственно лингвистики (в том числе когнитивистики), но и судебного речеведения как междисциплинарной науки, возникшей на стыке филологии и права, являющейся обосновывающим знанием для всех речеведческих экспертиз¹⁶, интегрирующей на базе теории судебной экспертологии в том числе положения лингвистики, социальной психологии и психолингвистики как теории речевой деятельности, продукты которой и выступают объектами судебно-экспертного исследования.

Для определения методических подходов к решению диагностических задач семантического анализа в рамках судебной лингвистической экспертизы криминогенных информационных материалов крайне актуально разграничение гомогенных (монокодовых) и гетерогенных текстов. Последние получили в лингвистической литературе разные наименования: синкретические сообщения¹⁷; поликодовые¹⁸, полисемические¹⁹, креолизованные²⁰, контаминированные²¹, изовербальные²² тексты, лингвизуальные комплексы²³, изовербы²⁴. Указанные

¹⁵ McKay S. Media and language: Overview // Encyclopedia of language and linguistics. 2nd ed. / Eds. Yu. I. Alexandrov et al. Oxford : Elsevier, 2006. V. 8. P. 599.

¹⁶ Галяшина Е. И. Судебное речеведение ; Она же. Основы судебного речеведения. М. : Стэнси, 2003. 236 с.

¹⁷ Якобсон Р. О. Избранные работы. М. : Наука, 1985. 460 с.

¹⁸ Сонин А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М., 2005. 220 с. ; Ейгер Г. В., Юхт В. Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста : материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1974. Ч. I. С. 103—109 ; Большаянова Л. М. Внешняя организация газетного текста поликодового характера // Типы коммуникации и содержательный аспект языка : сборник науч. трудов. М. : ИЯ, 1987. С. 167—172 ; Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение : Специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т. Вып. 3 (11). Красноярск, 2000. С. 104—110.

¹⁹ Бернацкая А. А. Указ. соч.

²⁰ Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990. С. 180—186 ; Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М. : Academia, 2003. 128 с. ; Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 180—189.

²¹ Бельчиков Ю. А. Взаимодействие функциональных разновидностей языка (контаминированные тексты) // Культура русской речи и эффективность общения / отв. ред. Л. К. Граудина и Е. Н. Ширяев. М. : Наука, 1996. С. 335—357.

термины соотносятся как синонимические или как гипонимы и гиперонимы, однако их подробный анализ и разграничение не являются темой данной статьи, требуя специального теоретического осмысления.

3. Креолизованные и поликодовые тексты: сущность и соотношение

Под креолизованным текстом нами понимается текст, фактура которого состоит из двух неомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)²⁵. Развитие лингвистической науки показало, что в качестве текста могут рассматриваться объекты, содержащие элементы не только двух различных кодов, но и более. В этой связи предпринимались попытки расширительного толкования понятия креолизованного текста «как семиотически гетерогенного текста, состоящего как минимум из двух неоднородных частей (вербальной и иконической), правильная интерпретация которого возможна лишь при учете значений образующих его компонентов»²⁶. Более целесообразным нам представляется использование термина «поликодовый текст» для семиотически осложненных текстов, реализованных посредством более двух кодов (например, видеовербальные тексты²⁷). Более того, в целях настоящего исследования мы будем использовать понятие «поликодовый текст» как обобщающее для всех семиотически неоднородных текстов.

Следует отметить, что взаимодействие вербального и невербального компонентов в поликодовых текстах может быть различно: креолизация может быть полной или частичной. Рассматривая проблемы судебной лингвистической экспертизы креолизованных текстов экстремистского дискурса, М. Л. Подкатилина указывает, что отношения между вербальным и невербальным (иконическим) компонентом могут быть автосемантическими или синсемантическими²⁸. С другой стороны, данную дихотомию указанный автор раскрывает через разграничение текстов и статических изображений, содержащих вербальный компонент, на основе характера распределения смысловой нагрузки: «Если бóльшую смысловую нагрузку несет невербальный компонент, то объект относится к группе статических изображений, если же более значима вербальная составляющая, то приходится иметь дело с текстовым объектом»²⁹. На наш взгляд, с последним тезисом вряд ли можно согласиться, т.к. описанные варианты распределения смысловой нагрузки априори предполагают наличие семантической связи между вербальным и невербальным компонентом, т.е. наличие синсемантических или автосемантических отношений. Таким образом, в обоих случаях мы имеем дело с креолизованным текстом (с полной или частичной креолизацией), но не со статическим изображением как таковым. Очевидно, что многообразие отношений между кодами креолизованного текста не исчерпываются описанными моделями, о чем свидетельствуют перечисленные самой же М. Л. Подка-

²² Бернацкая А. А. Указ. соч.

²³ Большаянова Л. М. Указ. соч.

²⁴ Михеев А. В. О некоторых типах взаимодействия изображения и текста // Типы коммуникации и содержательный аспект языка. С. 191—199.

²⁵ Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Указ. соч. С. 180.

²⁶ Дубовицкая Л. В. Феномен креолизованного текста (на материале креолизованных текстов письменной коммуникации) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. С. 8.

²⁷ Пойманова О. В. Семантическое пространство видеовербального текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997. 24 с.

²⁸ Подкатилина М. Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов : монография / под ред. Е. И. Галяшиной. М. : Юрлитинформ, 2013. С. 30.

²⁹ Подкатилина М. Л. Указ. соч. С. 30.

³⁰ Подкатилина М. Л. Указ. соч. С. 140—143.

тилиной виды отношений между вербальным и изобразительным компонентом³⁰.

С точки зрения методических основ судебной лингвистической экспертизы виды отношений между вербальным и иконическим компонентом предлагаем сгруппировать исходя из характера межсемиотических связей внутри поликодового текста следующим образом:

- а) в поликодовых текстах с полной креолизацией (синсемантические отношения):
 - доминирующая роль вербального компонента;
 - вербальный компонент как комментарий к невербальному компоненту (изображению, видеоряду, акустическому сигналу);
 - иконический компонент как иллюстрация к вербальному компоненту;
- б) в поликодовых текстах с частичной креолизацией (автосемантические отношения):
 - независимые номинативные отношения как результат комбинации разных семиотических систем (компоненты самостоятельно несут информацию: один и тот же виртуальный денотат, но сигнификат и прагматика различны);
 - независимые отношения как результат объединения разных семиотических систем (и вербальный, и иконический компоненты участвуют в создании контекста и образуют единый актуальный денотат (референт));
 - вербальный компонент как графически оформленная речь персонажа.

На наш взгляд, вне зависимости от характера межсемиотических связей любой поликодовый текст может выступать объектом судебно-лингвистического исследования. Р. Барт подчеркивает общепризнанную на сегодня уникальность знаковой системы естественного языка и вторичность всех остальных частных семиотик, отмечая, что «смысл есть только там, где предметы или действия названы: мир означаемых есть мир языка»³¹. Кроме того, как писал еще

в 1930-е гг. А. А. Реформатский, иллюстрация «как особый структурный момент высказывания подлежит ведению лингвиста»³².

4. Мультиmodalная перцепция и коммуникационные каналы восприятия криминогенного интернет-дискурса

Как мы отметили выше, поликодовым текстом является семиотически осложненный (гетерогенный) текст. Реализуемые в таком тексте информационные потоки могут декодироваться в одной или разных модальностях восприятия (перцепции) одновременно. Под модальностью нами понимается тип внешнего стимула, воспринимаемого одним из чувств человека, в первую очередь зрением и слухом, а также осязанием.

Например, вербальный и иконический компонент креолизованного текста декодируется в рамках одной модальности — зрительной. В случаях, когда к вербальному и визуальному (иконическому (=статическому) или динамическому) коммуникационным каналам добавляется акустический сигнал, речь идет уже о мультиmodalной перцепции, задействующей две сенсорные модальности: зрительную и слуховую. Тексты, воспринимаемые двумя или более сенсорными модальностями, некоторые ученые предлагают именовать мультиmodalными текстами³³. На наш взгляд, это не совсем корректно: мультиmodalной является перцепция, а текст остается поликодовым.

Иными словами, следует различать «невербальный» в тексте (только изображение (статическое или динамическое) и символы), т.е. когда речь идет о мономодальной зрительной перцепции, и «невербальный» в дискурсе (плюс разнообразные звуки, музыка, жесты, мимика и т.п.), т.е. когда речь идет о мультиmodalной перцепции.

³¹ Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 115.

³² Цит. по: Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. С. 3.

³³ Бутакова Л. О. Семантическое пространство мультиmodalного текста как эмотивно-ценностный феномен (на материале восприятия русских и американских мультфильмов) // Филология и человек. 2016. № 2. С. 63—73.

А. А. Кибрик выделяет три информационных (коммуникационных) канала: сегментный (вербальный), просодический и визуальный³⁴. Эксперимент, направленный на установление относительного вклада информационных каналов в усвоение реципиентами информации, продемонстрировал, что, во-первых, «иерархия каналов по информативности выглядит так: вербальный > визуальный > просодический»; во-вторых, «вербальный канал, по-видимому, является основным, а информация из двух других каналов интегрируется на основе вербально передаваемой информации»³⁵.

Нам представляется недопустимым смешивать каналы восприятия (модальности перцепции) и информационные (коммуникативные) каналы: вербальный (сегментный), визуальный и просодический. Зрительный канал восприятия может включать и сегментный, и визуальный коммуникационные каналы. Речь идет не только о включении в речевой продукт статического или динамического изображения, но также о графическом оформлении письменного речевого высказывания: цвет, размер, шрифт и т.п. Говоря об информационных каналах в звучащей речи, включающей помимо сегментного, вербального, компонента также несегментный, просодический, компонент, А. А. Кибрик использует удачную метафору: «вербальный и просодический каналы соотносятся как цифровой (дискретный) и аналоговый (недискретный) коды»³⁶.

На наш взгляд, более подробно классификацию коммуникационных каналов можно представить следующим образом:

1) зрительная модальность:

- а) вербально-графемный коммуникационный канал;
- б) визуально-образный коммуникационный канал;

- статический;
- динамический;

2) слуховая модальность:

- а) вербально-акустический коммуникационный канал;

- акустико-дискретный;
- акустико-просодический;

- б) невербально-акустический коммуникационный канал.

Более дробной единицей данной системы будет выступать семиотический код: например, в динамическом визуально-образном коммуникационном канале могут реализовываться жесты, мимика и просодические коды.

Так, информационные атаки в интернет-медиа охватывают речевые стратегии и тактики, использующие наряду с языковым кодом графические (как статические, так и динамические), а также звуковые средства. Таким образом, речь идет о поликодовых текстах, реализуемых через вербальный, визуальный и просодический коммуникационные каналы в совокупности как минимум через две модальности: зрение и слух. Кроме того, современная интернет-коммуникация, реализуемая в преобладающем объеме посредством использования мобильных устройств (смартфонов, планшетов и т.д.), позволяет и побуждает пользователя кинетически взаимодействовать с поликодовым текстом, пальцем(-ами) увеличивая/уменьшая/пролистывая веб-страницу или ее элементы, а также файлы, передаваемые посредством коммуникации в мессенджерах и социальных сетях. Указанное взаимодействие пользователя с электронным устройством напрямую определяет качество усвоения пользователем передаваемой информации, т.е. кинетический навык определяет перцепцию, и следует говорить о еще одной модальности восприятия — кинетической перцепции. К сожалению, вопросы кинетической перцепции поликодовых текстов до настоящего момента фактически не рассматривались в литературе, поэтому надеемся, что обозначенная проблема найдет свое решение в будущих научных изысканиях.

³⁴ Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. IV. М. : ИП РАН, 2010. С. 135.

³⁵ Кибрик А. А. Указ. соч. С. 142—143.

³⁶ Кибрик А. А. Указ. соч. С. 135.

³⁷ Kress G., van Leeuwen T. Reading images: The grammar of visual design. London : Routledge, 1996.

³⁸ Barthes R. Rhetoric des Bildes // Alternative. 1964. № 54.

³⁹ Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. С. 11.

Г. Кресс и Т. Леувен совершенно верно утверждают, что комбинированное использование различных моделей для создания смысла дошло до того, что теперь, вполне возможно, при осмыслении текста, даже одной его языковой части, мы должны четко понимать, что некоторые другие особенности могут повлиять на его смысл³⁷.

В практике судебно-экспертного исследования полимодального текста криминогенной интернет-коммуникации возникает ряд вопросов, требующих теоретического изучения. Что первично: вербальный или невербальный компонент комбинированного текста? Значение какого компонента будет основным, а какой компонент привносит дополнительные коннотации? Как соотносятся значения (денотаты) вербального и невербального(-ых) компонента(-ов)?

При семантическом анализе поликодовых текстов эти и другие вопросы закономерно вытекают из тезиса о том, что невербальные коды (модусы) в рамках комбинированных текстов тоже являются носителями значений (смыслов). В семантике изображения Р. Барт (по аналогии со словом) выделяет денотативные и коннотативные значения. Невербальный знак, по мнению указанного ученого, содержит два рода означающих: 1) означающие, означаемыми которых являются реальные предметы (денотативная информация, основывается на антропологических знаниях), и 2) означающие, означаемыми которых являются идеи, образы, ценности (коннотативная информация основывается на ассоциативных связях в рамках культурного кода). Например, изображение белого голубя, с одной стороны, означает саму птицу, с другой — традиционный образ мира³⁸.

В то же время необходимо учитывать, что вербальный и невербальный(-ые) компонент(-ы) — не сумма семиотических знаков, а интегрированный комплекс, образующий

«сложно построенный смысл»³⁹. Как утверждает Е. Е. Анисимова, в поликодовом тексте семантика вербального компонента дополняется, усиливается и модифицируется с помощью паралингвистических средств, которые также обладают семиотической функцией наполнения плана содержания поликодового знака⁴⁰. Таким образом, мультимодальная перцепция позволяет говорить о семантике поликодового текста как о своеобразном гештальте — целостном образе, который является чем-то бóльшим, чем сумма его составляющих: как на уровне денотативного компонента, так и на уровнях сигнификативного, прагматического и синтаксического компонентов лексико-семантической информации.

В другой работе Е. Е. Анисимовой гетерогенность трактуется как языковой феномен (гибридность) и как семиотический феномен (креолизованность)⁴¹. Гибридность рассматривается как способность сочетать в религиозном дискурсе элементы разных стилей, языков, жанров. Креолизованность является результатом соединения элементов разных семиотических кодов. Гетерогенность понимается как имманентное свойство основных видов религиозного дискурса — сакрального и литургического.

Кроме того, дальнейшего научного изучения заслуживают проблемы исследования синтаксического значения высказывания. Как указывала И. М. Кобозева, «синтаксическое значение знака позволяет носителям языка при его употреблении формировать ожидания относительно обязательного или по меньшей мере высоковероятного появления при дальнейшем развертывании дискурса других знаков определенного типа»⁴². Подобное «ожидание» может основываться на приемах иронии и сатиры, свойственных таким постерам, как демотиваторы. В криминогенных речевых продуктах этого жанра оба композиционных элемента (содержание «в рамке» и комментариев «на рамке») могут включать вербальный компонент. Вербальный компонент

⁴⁰ Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. 1992. № 1. С. 71—78.

⁴¹ Анисимова Е. Е. О гетерогенности религиозного дискурса // Вестник МГЛУ. Вып. 15 (675). Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации. Теория и практика. М., 2013. Ч. II. С. 9—22.

⁴² Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : учебное пособие. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 62.

(высказывание) «внутри» не только описывает некоторую ситуацию действительности (денотат, референт), подавая ее в определенной интерпретации (сигнификат) и с определенной речевой целью (прагматика), но и предъявляет определенные требования к содержанию высказывания-комментария «на рамке». В то же время указанные синтаксические отношения не сводятся к отношениям иллокутивного вынуждения, описанным А. Н. Барановым, Г. Е. Крейдлиным применительно к гомогенным речевым продуктам⁴³.

Заключение

В аспекте юридико-лингвистического исследования криминогенной интернет-коммуникации, представляющей угрозу для информационной (мировоззренческой) безопасности, поликодовый текст — это текст, в котором сообщение закодировано семиотически разнородными средствами: вербальным и невербальным (паралингвистическим) компонентами, объединение которых представляет собой определенную нелинейную структуру, характеризующуюся проявлением взаимозависимости составляющих как в содержательном, так и в формальном аспектах. Иными словами, это семиотически сложный (гетерогенный) текст, компоненты которого образуют одно смысловое, структурное и функциональное целое, установление свойств которого необходимо для правовой квалификации криминогенного речевого действия в цифровой среде. Мультиmodalная перцепция поликодового текста предполагает не линейный способ восприятия и осмысления знакового феномена, а так называемую гиперперцепцию — восприятие через образы, создаваемые кодами разных семиотических систем, что необходимо учитывать при производстве их юридико-лингвистического исследования.

В качестве невербальных знаков в речевом следе криминогенной интернет-коммуникации могут выступать несегментные акустические сиг-

налы, статические и динамические изображения реальных предметов окружающего мира, составляющие предмет сообщения, специфические для устного общения мимика, жесты, позы и т.п., запечатленные в виде рисунков, анимации, фотографий, видеоклипов, звукозаписей, схем и т.д.

Как было отмечено выше, дискретный коммуникативный канал является более информативным, чем визуальный и просодический, однако игнорирование семантики, закодированной в визуальном и (или) просодическом каналах, является грубой ошибкой производства судебной лингвистической экспертизы. Более того, и автосемантические, и синсемантические отношения между вербальным и паравербальным компонентом требуют установления актуального денотата поликодового текста (как функционально-смысловой единицы, характеризующейся единством, связностью и завершенностью) на основе не только закономерностей лексической семантики, но и вычленения ассоциативных связей в рамках мультимодальной перцепции. Полисемиотичность речевого продукта также накладывает значительные ограничения на установление прагматического слоя семантического значения, т.к. информация, кодированная недискретными кодами, одновременно является элементом коммуникативной ситуации для дискретного кода. Кроме того, существующие методы лингвистического анализа поликодовых текстов исходят из подхода, согласно которому необходимо вербализовать несегментные (невербальные) компоненты речевого продукта, т.е. преобразовать объект исследования, в то время как необходимо соблюдать законодательно закрепленный принцип недопустимости видоизменения объекта судебной экспертизы. По той же причине недопустимо использование в судебной лингвистической экспертизе метода синонимических преобразований, распространенного и приемлемого в лингвистических аналитических исследованиях для установления сигнификативного слоя семантического значения. Однако данный метод влечет опасность подмены актуального

⁴³ Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 241—252.

денотата речевого продукта и «сдвига» коннотаций, т.е. модификации прагматического семантического слоя.

Мультимодальный подход к перцепции свойств поликодового текста сегодня наименее изучен и нуждается в дальнейших научных изысканиях: теория судебно-лингвистического

исследования поликодовых текстов как результатов криминогенной интернет-коммуникации нуждается в расширении и внедрении качественно новых методов, отвечающих требованиям не только научной обоснованности, но и обеспечения сохранности, неизменности объекта исследования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. — М. : Academia, 2003. — 128 с.
2. Анисимова Е. Е. О гетерогенности религиозного дискурса // Вестник МГЛУ. Вып. 15 (675). Семиотическая гетерогенность языковой коммуникации. Теория и практика. М., 2013. — Ч. II. — С. 9—22.
3. Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. — 1992. — № 1. — С. 71—78.
4. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. — 1992. — № 2. — С. 241—252.
5. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». — М. : Прогресс, 1975. — С. 114—163.
6. Бельчиков Ю. А. Взаимодействие функциональных разновидностей языка (контаминированные тексты) // Культура русской речи и эффективность общения / отв. ред. Л. К. Граудина и Е. Н. Ширяев. — М. : Наука, 1996. — С. 335—357.
7. Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т. — Вып. 3 (11). — Красноярск, 2000. — С. 104—110.
8. Большаянова Л. М. Внешняя организация газетного текста поликодового характера // Типы коммуникации и содержательный аспект языка : сборник науч. трудов. — М. : ИЯ. — 1987. — С. 167—172.
9. Бутакова Л. О. Семантическое пространство мультимодального текста как эмотивно-ценностный феномен (на материале восприятия русских и американских мультфильмов) // Филология и человек. — 2016. — № 2. — С. 63—73.
10. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. — Вып. 20. — Екатеринбург, 2006. — С. 180—189.
11. Галяшина Е. И. Основы судебного речеведения. — М. : Стэнси, 2003. — 236 с.
12. Галяшина Е. И. Судебное речеведение : учебник. — М. : Норма : Инфра-М, 2020. — 320 с.
13. Галяшина Е. И., Никишин В. Д. Судебная лингвистическая экспертиза материалов экстремистско-террористической направленности: квалификация и компетенции судебного эксперта-речевода // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 4 (89). — С. 130—139.
14. Дубовицкая Л. В. Феномен креолизованного текста (на материале креолизованных текстов письменной коммуникации) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2013. — 21 с.
15. Ейгер Г. В., Юхт В. Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста : материалы научной конференции при МГПИИЯ имени М. Тореца. — М., 1974. — Ч. I. — С. 103—109.
16. Изотова Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. Методика проведения судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении // Теория и практика судебной экспертизы. — 2016. — № 1 (41). — С. 92—98.
17. Ирисханова О. К. Игры фокуса в языке : Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. — М. : Языки славян. культуры, 2014.

18. Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. IV. — М. : ИП РАН, 2010. — С. 134—152.
19. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика : учебное пособие. — М. : Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с.
20. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. — М. : РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. — 326 с.
21. Макашова В. В. Речевое действие как правонарушение : монография. — М. : РИЦ МГГУ имени М. А. Шолохова, 2014. — 227 с.
22. Михеев А. В. О некоторых типах взаимодействия изображения и текста // Типы коммуникации и содержательный аспект языка : сборник науч. трудов. — М. : АН СССР, Институт языкознания, 1987. — С. 191—199.
23. Никишин В. Д. Криминогенная речевая агрессия в аспекте судебной экспертизы материалов экстремистско-террористической направленности // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. — 2019. — № 3. — С. 108—113.
24. Никишин В. Д. Словесный религиозный экстремизм. Правовая квалификация. Экспертиза. Судебная практика : монография / под ред. Е. И. Галяшиной. — М. : Проспект, 2019. — 240 с.
25. Подкатилина М. Л. Судебная лингвистическая экспертиза экстремистских материалов : монография / под ред. Е. И. Галяшиной. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 184 с.
26. Пойманова О. В. Семантическое пространство видеовербального текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1997. — 24 с.
27. Сонин А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. — М., 2005. — 220 с.
28. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. — М., 1990. — С. 180—186.
29. Якобсон Р. О. Избранные работы. — М. : Наука, 1985. — 460 с.

Материал поступил в редакцию 23 марта 2020 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikaciya (na materiale kreolizovannyh tekstov) : ucheb. posobie dlya stud. fak. inostr. yaz. vuzov. — M. : Academia, 2003. — 128 s.
2. Anisimova E. E. O geterogenosti religioznogo diskursa // Vestnik MGLU. Vyp. 15 (675). Semioticheskaya geterogenost' yazykovoj kommunikacii. Teoriya i praktika. M., 2013. — Ch. II. — S. 9—22.
3. Anisimova E. E. Paralingvistika i tekst (k probleme kreolizovannyh i gibridnyh tekstov) // Voprosy yazykoznaniya. — 1992. — № 1. — S. 71—78.
4. Baranov A. N., Krejdlin G. E. Illokutivnoe vyznuzhdenie v strukture dialoga // Voprosy yazykoznaniya. — 1992. — № 2. — S. 241—252.
5. Bart R. Osnovy semiologii // Strukturalizm: «za» i «protiv». — M. : Progress, 1975. — S. 114—163.
6. Bel'chikov Yu. A. Vzaimodejstvie funkcional'nyh raznovidnostej yazyka (kontaminirovannye teksty) // Kul'tura russkoj rechi i effektivnost' obshcheniya / otv. red. L. K. Graudina i E. H. Shiryaev. — M. : Nauka, 1996. — S. 335—357.
7. Bernackaya A. A. K probleme «kreolizacii» teksta: istoriya i sovremennoe sostoyanie // Rechevoe obshchenie: Specializirovannyj vestnik / Krasnoyar. gos. un-t. — Vyp. 3 (11). — Krasnoyarsk, 2000. — S. 104—110.
8. Bol'shiyanova L. M. Vneshnyaya organizaciya gazetnogo teksta polikodovogo haraktera // Tipy kommunikacii i soderzhatel'nyj aspekt yazyka : sbornik nauch. trudov. — M. : IYa. — 1987. — S. 167—172.

9. Butakova L. O. Semanticheskoe prostranstvo mul'timodal'nogo teksta kak emotivno-cennostnyj fenomen (na materiale vospriyatiya russkih i amerikanskikh mul'tfil'mov) // *Filologiya i chelovek*. — 2016. — № 2. — S. 63—73.
10. Voroshilova M. B. Kreolizovannyj tekst: aspekty izucheniya // *Politicheskaya lingvistika*. — Vyp. 20. — Ekaterinburg, 2006. — S. 180—189.
11. Galyashina E. I. Osnovy sudebnogo rechevedeniya. — M.: Stensi, 2003. — 236 s.
12. Galyashina E. I. Sudebnoe rechevedenie: uchebnyk. — M.: Norma: Infra-M, 2020. — 320 s.
13. Galyashina E. I., Nikishin V. D. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza materialov ekstremistsko-terroristicheskoy napravlenosti: kvalifikaciya i kompetencii sudebnogo eksperta-recheveda // *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. — 2018. — № 4 (89). — S. 130—139.
14. Dubovickaya L. V. Fenomen kreolizovannogo teksta (na materiale kreolizovannykh tekstov pis'mennoj kommunikacii): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 2013. — 21 s.
15. Ejger G. V., Yuht V. L. K postroeniyu tipologii tekstov // *Lingvistika teksta: materialy nauchnoj konferencii pri MGPIYa imeni M. Toreza*. — M., 1974. — Ch. I. — S. 103—109.
16. Izotova T. M., Kuznecov V. O., Plotnikova A. M. Metodika provedeniya sudebnoj lingvisticheskoy ekspertizy po delam ob oskorblenii // *Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy*. — 2016. — № 1 (41). — S. 92—98.
17. Iriskhanova O. K. Igry fokusa v yazyke: Semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya. — M.: Yazyki slavyan. kul'tury, 2014.
18. Kibrik A. A. Mul'timodal'naya lingvistika // *Kognitivnye issledovaniya*. IV. — M.: IP RAN, 2010. — S. 134—152.
19. Kobozeva I. M. Lingvisticheskaya semantika: uchebnoe posobie. — M.: Editorial URSS, 2000. — 352 s.
20. Kukushkina O. V., Safonova Yu. A., Sekerazh T. N. Teoreticheskie i metodicheskie osnovy sudebnoj psihologo-lingvisticheskoy ekspertizy tekstov po delam, svyazannym s protivodejstviem ekstremizmu. — M.: RFCSE pri Minyuste Rossii, 2011. — 326 s.
21. Makashova V. V. Rechevoe dejstvie kak pravonarushenie: monografiya. — M.: RIC MGГУ imeni M. A. Sholohova, 2014. — 227 s.
22. Miheev A. V. O nekotorykh tipah vzaimodejstviya izobrazheniya i teksta // *Tipy kommunikacii i sodержatel'nyj aspekt yazyka: sbornik nauch. trudov*. — M.: AN SSSR, Institut yazykoznaniya, 1987. — S. 191—199.
23. Nikishin V. D. Kriminogennaya rechevaya agressiya v aspekte sudebnoj ekspertizy materialov ekstremistsko-terroristicheskoy napravlenosti // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*. — 2019. — № 3. — S. 108—113.
24. Nikishin V. D. Slovesnyj religioznyj ekstremizm. Pravovaya kvalifikaciya. Ekspertiza. Sudebnaya praktika: monografiya / pod red. E. I. Galyashinoj. — M.: Prospekt, 2019. — 240 s.
25. Podkatilina M. L. Sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza ekstremistskih materialov: monografiya / pod red. E. I. Galyashinoj. — M.: Yurlitinform, 2013. — 184 s.
26. Pojmanova O. V. Semanticheskoe prostranstvo videoverbal'nogo teksta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M., 1997. — 24 s.
27. Sonin A. G. Ponimanie polikodovykh tekstov: kognitivnyj aspekt. — M., 2005. — 220 s.
28. Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaya funkciya // *Optimizaciya rechevogo vozdejstviya*. — M., 1990. — S. 180—186.
29. Jakobson R. O. Izbrannye raboty. — M.: Nauka, 1985. — 460 s.